

Интермедия высмеивает мнимую военную доблесть дворян. „Шляхта“ Елисей так вспоминает, например, о своем отце:

...батюшка-та мой был воин,
А как кликнут на службу, обнимя голову, и воет.
Под многими он был городами —
За печкой под гредами.

В интермедии высмеивается и костюм дворянского щеголя. Слуга, например, обращается к нему со словами:

Здорово, московской щеголь, веретеном хвост!

Модный сюртук щеголя оказывается сшитым из соляного куля, утащенного с судна на Москве-реке,

А праздничной мой мундир,
На котором три тысячи сорок дир,
Башмачки на мне новы,
Только пяты голы.
А вот у меня золотые пряжки,
Только я бы поел орженой каши.

В интермедии неоднократно подчеркивается тяжелое положение крепостных слуг у такого барина; он не обращается к ним иначе как с бранной кличкой, слуги голодают („мы з голоду подохли... мы дубовыми корками передавились“, говорят слуги); барин постоянно угрожает им то рукоприкладством („Каналья, вить я в щоку“!), то батогами, Петрушка, Гаврило, Корпуха, Авдей — слуги „шляхты“ — от всей души презирают и ненавидят своего господина. Их диалоги с баринком полны не только явной издевки, но и прямой угрозы расправиться с ним. Недаром, идя на зов барина, слуга захватывает с собой дубину, объясняя свой поступок так:

...сударь, я иду да несу дубину.
Бывает, с тобою побранюся,
Так я ею и оборонюся.

Характерна с этой точки зрения развязка интермедии; после перебранки барина со слугами, сценка завершается таким диалогом:

Шляхта

Бестия, полно тебе болтать!

Слуга

Как я тебя возьму топтать,
Так некому и отнять.

Шляхта

Каналья, вить я в щоку!

Слуга

А я шляхту по боку.

Шляхта

Вить я не стану и месечину давать.

Слуга

Полно, тебе самому по полушке хлеба покупать.